

К. А. Соловьев

КАТЕГОРИЯ «ТЕРПЕНИЕ» В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА

Изучение текстов митрополита Даниила позволяет решать важные исследовательские задачи. Одна из них — трактовка категории «терпение» в его посланиях к разным лицам. Выявив особенности использования этой категории, можно не только лучше понять мировоззрение самого митрополита, но и обозначить разницу в понимании роли этого качества личности христианина в XVI в. у митр. Даниила и у дипломата Федора Карпова, вступившего с ним в полемику. Установлено, что митр. Даниил использует категорию «терпение» в качестве одной из самых важных в «перечне добродетелей», традиция которых восходит к апостолам. В рамках этой традиции «терпение» может рассматриваться как свойство человека, его состояние и его дело (функция). Митр. Даниил рассматривает «терпение» как свойство человека, определяющее его жизненную задачу. И соединяет его с другой категорией — «любомудрием». Познание и терпение митр. Даниил противопоставляет активному действию ради достижения социальной справедливости, основанной на законе, на чем, в свою очередь, настаивал Федор Карпов. В статье содержится обоснование предположения о том, что один из рассмотренных текстов мог быть тем письмом Федору Карпову, которое побудило последнего написать «Послание митрополиту Даниилу».

Ключевые слова: митрополит Даниил, Федор Карпов, история Церкви, история богословской мысли, категория «терпение», «Послание Карпова Даниилу»; древнерусская книжность; история России; история общественной мысли.

Одним из важнейших источников среди тех, по которым мы судим об уровне и характере общественной полемики по теме власти и управления в первой трети XVI в., является «Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу» (далее — Послание). Других текстов, в которых так откровенно, ясно и точно кто-либо из чиновников администрации Василия III и Елены Глинской выражал бы свои взгляды на власть и управление, просто нет. Архив самого Карпова не известен.

Послание Федора Карпова сохранилось в сборнике, опубликованном В. Г. Дружининым. Значительную часть этого сборника составляют атрибутированные тексты самого митр. Даниила. Это документы №№ 32–62, а также 76 и 77 (Дружинин, 1909, 19). Исходя из того, что Послание Карпова было лишь частью переписки между ним и митрополитом, мы вправе ожидать, что среди текстов митр. Даниила отыщется то письмо, на которое Карпов отвечал. Пока это письмо не найдено. Но анализ текстов митр. Даниила, содержащихся в сборнике, изданном Дружининым, позволяет сделать несколько предположений о том, каким было это письмо. Из текста Послания Карпова мы знаем, что митрополит призывал своего адресата к терпению: «По предиреченных же веледушна мя твориши к терпѣнию даже до конца, свѣтлѣйшими епистолии твоей совѣщании во скорбѣхъ и противствѣхъ моихъ» (Карпов, 2000). Если бы удалось понять аргументацию митр. Даниила и выяснить, что тот писал Карпову о «терпѣнии», то наше знание о том, как обсуждались общественные проблемы России в первой половине XVI в., стало бы значительно полнее.

Не так давно было сделано предположение, что таким письмом могло быть «Послание некоему человеку во скорбяхъ и печаляхъ от царской опалы» из сборника Дружинина [Михайлова, Витлин, 2012, 7]. Предположение это авторами, к сожалению,

Константин Анатольевич Соловьев — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова (solovka-05@yandex.ru).

никак не обосновано. При знакомстве с текстом «Послания некоему человеку» можно заметить, что тон и лексика письма, на которое отвечал митр. Даниил, никак не соотносятся с тем, что мы знаем о Карпове и его дошедших до нас текстах. «Ты же... злословиши и проклинаешь враги своа», — пишет митрополит своему адресату (Дружинин, 1909, 104). А в сохранившихся до нашего времени посланиях Карпова нет даже намека ни на «злословия», ни на «проклятия». Скорее можно говорить, что в них есть смелость и прямота, которым один из его адресатов — Максим Грек — дал характеристику «писменми дерзовении, яко непостыдно отвѣтъ» (Послание Максима Грека, 2000). Кроме того, «Послание некоему человеку» начинается с упоминания «царской ополы», а в карьере Карпова такого эпизода не было [Зимин, 1956, 164]. По этим, пусть косвенным, соображениям предположение о том, что «Послание некоему человеку» адресовано Федору Карпову, нам представляется поспешным. Тем не менее, само предположение, что ответ Карпова на одно из писем к нему митр. Даниила хранится в архиве последнего вместе с копией этого письма, выглядит вполне логично.

Творчество митр. Даниила не часто попадает в центр внимания историков и филологов. А когда это случается, то митр. Даниил получает такую характеристику: «типический ученый богослов русской древности, богослов начетник, на котором во всей полноте отобразились требования, какие выставляла для своих адептов, как непреременные условия, древнерусская книжность» [Жмакин, 1881, 293]. Или же (в более мягком варианте), отмечается «явное тяготение митр. Даниила как писателя к несамостоятельности, компилятивности» [Соболевский, 2010, 12]. На наш взгляд, в такой позиции есть методологический изъян. Даже полная компиляция, с отсутствием авторского слова, не дает права называть работу над текстом «скорее механическим трудом переписчика» [Жмакин, 1881, 294], поскольку отбор и комбинация чужих текстов уже являются проявлением личной позиции, пусть в скрытом (или сознательно замаскированном) виде. И, как отметил Ю. С. Стариков, «в основу компиляции выдержек из священных и святоотеческих текстов в каждом слове положен уникальный авторский замысел» [Стариков, 2014, 11]. Но тексты митр. Даниила не являются «коллажами» из цитат святоотеческой литературы, пусть даже он, как и его учитель прп. Иосиф Волоцкий, «составили свои слова не от себя, ни от своих мудрствований, а собрали преимущественно от Божественных писаний» [Макарий Булгаков, 1872, 185]. Его собственная речь звучит вполне определенно и в наиболее часто подвергавшихся изучению «Наказах», и в тех «Словах», которые помещены в сборнике Дружинина.

В этом сборнике есть несколько текстов, в которых использована категория «терпение». Пять из них (№№ 6–10) идут подряд и названы составителем «Словами». Но они не могут быть соотнесены в полной мере с литературным жанром «Слова», каким оно было в Древней и Средневековой Руси. Эти тексты не производят впечатления церковно-богослужебных, какими должны быть произведения, написанные в жанре «Слова» [Крылова, 2013, 12]. Скорее всего, они не были предназначены для произнесения в церкви в ходе литургии, что для жанра «Слова» — определяющий мотив [Гаричева, 2011, 7].

Кроме того, в этих текстах отсутствуют важные элементы ораторского красноречия: вступление и сюжетное повествование, обязательные в такого рода произведениях [Рождественская, 1972, 111–112]. Троичное деление текста (также являющееся одним из жанровых признаков «Слова» [Копосов, 2012, 17]), в этих текстах едва намечено. По своему объему (страница печатного текста), концентрированности на одной теме, отсутствию сюжетных построений («наставление доминирует над повествованием» [Воскресенская, 2008, 205]), малому количеству риторических приемов все эти тексты гораздо ближе к наставительным и утешительным посланиям — жанру, берущему начало в Посланиях апостолов. И это вполне соответствует традиции средневековой русской книжности, поскольку апостольские Послания постоянно присутствовали, по выражению одного из современных исследователей, «в коллективной памяти древнерусских книжников» [Новак, 2013, 82]. А то, что в них мало «устойчивых элементов эпистолярного формуляра», так в древнерусской литературе такая традиция

тоже существовала, со времени создания «Послания о неделе» прп. Феодосия Печерского [Никищенко, 2008, 162]. Важно и то, что в каждом из этих текстов присутствует внутренняя диалогичность (главный мотив их написания — продолжение беседы), характерная для эпистолярных сочинений [Никищенко, 2008, 162], в противовес монологичности «Слов» и «Сказаний».

Признав эти тексты не «Словами», а «Посланиями», при том, что каждое из них имело одного или нескольких адресатов, мы можем попробовать понять, как они соотносятся Посланием Федора Карпова. Собственно говоря, у нас есть два варианта для рассуждений. Первый вариант: среди этих пяти текстов есть один, который был отправлен Федору Карпову. И в ответ на него тот и написал свое Послание. В этом случае нужно искать возможные аргументы, позволяющие нам это предположение обосновать. Второй вариант: мы не можем ни один из этих текстов с уверенностью обозначить как письмо Карпову. Тогда у нас остается еще одна возможность — проанализировать весь комплекс текстов «о терпении», чтобы понять, как использовал митр. Даниил категорию «терпение», и представить себе (пусть приблизительно), что он писал Федору Карпову и с какой целью.

Начнем со второго варианта, поскольку это позволит получить общее представление о том, как понимал и использовал митр. Даниил категорию «терпение». Прежде всего отметим, что «терпение» входит у него в число важнейших христианских добродетелей, перечень которых дан в «тексте № 10»: «и не дающе вины ищущим вины житие жестоко и болезненно имуще простоту, тихость, кроткость, смирение, любовь, любомудрие, разум, терпение, благодарение в напастех и бедах и скорбях соблюдающе» (Дружинин, 1909, 49).

В современных отечественных исследованиях уже отмечалось, что в текстах митр. Даниила проступают три важных черты: а) «замысел трудов митр. Даниила... обусловлен рецепцией евангельского текста и святоотеческой литературы»; б) «роль просветителя», на которую «претендовал» митр. Даниил; в) его стремление автора «быть ближе к читателю и слушателю» [Журова, 2014, 51–52].

Мы можем увидеть эти черты и в данном тексте, поскольку традиция такого рода перечней, как в «тексте № 10», восходит, видимо, к апостольским Посланиям. Так, у ап. Петра во Втором послании мы читаем: «покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» (2 Пет 1:5–7). Это, правда, не совсем перечень, а, как бы сейчас сказали, необходимый набор задач (в языке компьютерщиков и менеджмента — функционал). В этой фразе, построенной по принципу «лестницы Иакова» (восхождения от земного к небесному), категория «терпение» занимает место между более «земной» добродетелью («воздержание») и добродетелью «небесной» («благочестие»).

А вот в Посланиях ап. Павла к Тимофею содержатся именно перечни. Один — это перечень добродетелей: «Ты же, человек Божий, убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости» (1 Тим 6:1). И он тоже построен по «лестничному» принципу, но в обратном порядке — от добродетелей скорее «небесных» к добродетелям скорее «земным». Второй перечень — состояний человека («А ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, в гонениях, страданиях», 2 Тим 3, 10). У него же, в Послании к Титу, «терпение» снова выступает как состояние, в котором проявляются свойства души: «бдительность, степенность, целомудренность» (Тит 2, 2).

В «Первом послании Климента, епископа Римского, к девственникам» приведен список поведенческих ориентиров (задач, функций), среди которых есть «терпение»: «Истинно облекшиеся во Христа, изобразили подобие Его в уме своем, во всей жизни своей и во всем поведении своем, в словах, делах, в терпении, в добродетели (virtute), в познании (cognitione), в чистоте, великодушии, в сердце чистом, в вере, надежде, в любви полной и совершенной к Богу» [7], — что близко к «функциональному» пониманию этой категории ап. Петром и следует тому же принципу восхождения

от «земного» (поведение, слова, дела) к «небесному» (вере, надежде, любви). Категория «терпение» занимает промежуточное положение. Оно, вместе с «познанием», связывает «земные» добродетели с «небесными». А в его же «Первом послании к коринфянам» есть два перечня *состояний* добродетели: «Ибо мы всюду касались того, что относится к вере, покаянию, искренней любви, воздержанию, целомудрию и терпению» [62, 2]. И ниже: «Всевидающий Бог... да даст всякой душе, призывающей великое и святое имя Его, веру, страх, мир, терпение, великодушие, воздержание, чистоту и целомудрие...» [64, 1–2].

«Перечень» митр. Даниила из «Слова» № 10 дан в контексте оценки жизненной ситуации. И в данном случае «терпение» не является состоянием, поскольку состояние — это скорбь. Терпение не является и задачей, потому что мы не видим здесь *результатов действий* тех категорий, что входят в перечень митр. Даниила. Нам представляется, что это ближе всего тому, как «терпение» понимал ап. Павел. Терпение здесь выступает как *добродетель*, то есть *свойство человека*. Это свойство определяет жизненную задачу — находясь в состоянии скорби, не стремиться к преодолению скорби, к ответному действию. И стоит «терпение» рядом с «любомудрием» и «разумом», что сходно с тем, как понимал эту категорию св. Климент.

Посмотрим теперь на то, каков общий состав тех категорий, в число которых входит «терпение», понимаемое как качество или функция человека:

Категории	митр. Даниил	ап. Петр	ап. Павел	св. Климент
Простота	+	–	–	–
Тихость	+	–	–	–
Кротость	+	–	+	–
Смирение	+	–	–	–
Любовь	+	+	+	+
Любомудрие/познание	+	–	–	+
Разум/рассудительность	+	+	–	–
Терпение	+	+	+	+
Благодарение	+	+	–	–
Добродетель	–	+	–	–
Воздержание	–	+	–	+
Братолюбие	–	+	–	–
Правда	–	–	+	–
Благочестие	–	–	+	–
Вера	–	+	+	+
Чистота	–	–	–	+
Великодушие	–	–	–	+
Покаяние	–	–	–	+
Целомудрие	–	–	–	+
Страх	–	–	–	+

Как видим, полное совпадение в перечнях свойств/состояний/функций, необходимых христианину, есть только по двум категориям: «любовь» и «терпение». Наличие всех остальных категорий ситуативно и зависит от цели послания. Митр. Даниил не повторил чей-то перечень, он создал свой, что опровергает ранее приведенное мнение об исключительно компилятивном характере его работы над текстами. В этом *новом* перечне совпадений с другими авторами немного. Совпали (помимо категорий любви и терпения) лишь «разум» (если эту категорию понимать как «рассудительность»

у ап. Петра), «любомудрие» (если допустимо его объединение с категорией «познание» св. Климента) и «кротость», как у ап. Павла.

По сути же «перечень митр. Даниила» предлагает реализовать «любовь» и «терпение» через две функции. Одна — это мышление (категории «любомудрие» и «разум»), а вторая — отказ от действия: категории «простота» (если понимать ее как отсутствие сложности, то есть изменений), «кротость» и «смирение». Нам представляется, что такой набор свойств и такой функционал могут быть предложены далеко не каждому человеку, но лишь тому, кто не может не мыслить («любомудрствовать») и всю жизнь был социально активен. Эти два качества, стремление к размышлению (познанию) и активная деятельность, идеально укладываются в образ Федора Карпова, но, конечно, не его одного. Если попытаться перевести этот набор добродетелей в простое высказывание, то получится: «размышляй, но ничего не предпринимай». Именно такое понимание категории «любомудрие» (применительно к литературному творчеству) содержится в «Сборнике» митр. Даниила: «Ничего не будем говорить стороннего или чужого, но да любомудрствуем и говорим, и весь свой разум да полагаем в том, что приняла от Бога, от святых апостолов и от преподобных отцов св. соборная апостольская Церковь и, прияв, передала нам» [Макарий Булгаков, 1872, 197].

Мог ли этот совет относиться к положению Федора Карпова в его «великой скорби»? На наш взгляд, ответ — да, мог. Хотя никак нельзя не отметить универсальность такого совета, его применимость во многих ситуациях. И мы видим, что в «тексте № 8» митр. Даниил приводит читателя к мысли о терпении через те же самые категории: «будем тихи, кротки, смирене, милостеви и трудно и жестоко житие возлюбим, и не отречемся в напастех, но любомудрствуем в заповедях Господних и стяжем терпение во искушениях» (Дружинин, 1909, 47). Здесь он усиливает функционал «недеяния» (добавляя «тихи») и ослабляет функционал размышления (оставляя лишь «любомудрство»). Но основной посыл его тот же. И если воспользоваться этим посылом (размышление в недеянии), то получим результат, на котором настаивал митр. Даниил: во скорбях не скорбим, или, как это сформулировано у самого автора в «тексте № 8», «И аще досаждают неци и ропщут и наветают, и ненавидят и оклеветают, не унываем, не скорбим, но терпим, благодаряще Бога...», и, далее, «напасти, и беды благодарящи претерпеваем...» (Дружинин, 1909, 47).

Попробуем обозначить наше понимание позиции митр. Даниила по отношению к категории «терпение». В его коротких посланиях эта категория предстает как одно из ключевых *свойств* человека, оказавшегося в состоянии скорби. Оно позволяет, и даже более того, оно требует отказаться от попыток ответить «отмщением» на зло (Дружинин, 1909, 49). Оно становится «врачеванием» (Дружинин, 1909, 45), поскольку удерживает от немедленных поступков и дает возможность размышления («любомудрия»), как следствие — «очищения и просветления» (Дружинин, 1909, 47). Функционально категория «терпение» у митр. Даниила служит *универсальным и индивидуальным* ответом на любую ситуацию скорби. «Терпение» помогает достичь состояния, в котором человек сознательно отказывается от «ответных» действий и переводит энергию скорби в познание, «любомудрствование».

Рассмотрим теперь то предположение, что в сборнике Дружинина содержится Послание митр. Даниила Ф. Карпову. На наш взгляд, им может быть последнее из цикла посланий, то есть «текст № 10». Один из аргументов в пользу этого выбора уже был приведен выше: все тексты сборника, который был составлен, ориентировочно, в 1560-е гг. (Дружинин, 1909, 1), представляют собой часть единого архива. Если (по большому количеству текстов) это архив митр. Даниила, то в нем могли содержаться письма к митр. Даниилу и от митр. Даниила.

Теперь двинемся дальше. Четыре текста «цикла о терпении» (№№ 6–9) обезличены. Вот их начальные фразы:

«В нахождение скорбей и напастей потребно вспоминать грехи своа и трепети...» (Дружинин, 1909, 45).

«В напастях и бедах много трепения требуем в разуме Божественных догмат» (Дружинин, 1909, 46).

«Аще хоцем милости Божией сподобитися, будем кротки, милостивы смиренны...» (Дружинин, 1909, 47).

«В скорбях и напастях, и бедах многа требуем прочитания Божественных писаний бесед духовных...» (Дружинин, 1909, 48).

У этих четырех посланий может быть один адресат, но может быть и несколько, например братия какого-либо монастыря. А вот текст под № 10 представляет собой обращение к одному конкретному адресату. И это явный ответ на прежде полученное письмо. Свидетельство этому — первая фраза: «В послании твоём писал еси како во обтикающих скорбех седение» (Дружинин, 1909, 49). Соответственно, первые слова этого текста не только не противоречат тому, что мы знаем о возникновении «Послания» Карпова из предшествующей переписки между ним и митр. Даниилом, но и воспроизводят эту ситуацию.

Далее, выражение «во... скорбех седения» из послания митр. Даниила находит прямое отражение в тексте Послания Карпова: «Но нынѣ же, в настоящихъ, первая вина, еже запинаеть писати многаа — зане великими скорбьми одръжимъ есмь» (Карпов, 2000). Если представить, что «текст № 10» — это письмо митр. Даниила к Карпову, то переключка текстов выглядит так: митр. Даниил укоряет Карпова в «скорби», тот в ответ пишет: да это моя вина. Отмечаем, что в текстах с № 6 по № 9 нет обращения на «ты», а в «тексте № 10» оно появляется. Это совпадает с наблюдением Л. И. Журовой: «За обращением к персонажу на „ты“, как правило, стоит упрек митрополита всякому маловерующему и сомневающемуся...» [Журова, 2014, 56]. Маловерующим Карпова не назовешь, а вот сомневающимся (в том смысле, что он пытался получить ответы на важные для него вопросы и от митр. Даниила, и от прп. Максима Грека) — вполне.

И эта переключка между «текстом № 10» и Посланием Карпова — не единственная. Карпов пишет: «По предиреченных же веледушна мя твориши к терпѣнию даже до конца, свѣтлѣйшими епистолии твоей *совѣщании* во скорбѣхъ и противствѣх моихъ» (Карпов, 2000). В «тексте № 10» мы читаем: «Ты же изнуряешь себя в напастех и скорбях...», и далее митр. Даниил дает свой совет о терпении (Дружинин, 1909, 49). У митр. Даниила мы встречаем парное обозначение состояния Карпова: «скорби» и «напасти». И у Карпова «скорби и противства». Конечно «напасти» и «противства» — это не одно и то же. Но Карпов не вторит митр. Даниилу в своем Послании. Он постоянно ищет в его словах нечто, от чего можно оттолкнуться и далее развивать свою собственную идею. Так, ключевую для всего своего Послания категорию «терпения» он характеризует совсем не так, как митр. Даниил. И пару к «скорбям» каждый из авторов подбирает со смыслом. У митр. Даниила «скорби» — это следствие «напастей». У Карпова же «противство» — следствие «скорби», теснейшим образом связанное с критикой того понимания категории «терпение», которое предлагал митр. Даниил.

Такого рода переключки, со сдвигом смысла, в ключевых словах есть и далее. Вот еще один пример. Фраза в Послании Карпова «Свѣтлѣйшая бо твоа епистолия пользовати мнѣ тебя» переведена Д. М. Буланиным как «В светлейшем твоём послании ты просишь меня лечить тебя», с комментарием: «Сравнение письма с лекарством — устойчивый эпистолярный мотив» (Карпов, 2000). Но в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» указано «пользовати» в первом значении: «приносить пользу». И лишь во втором — «лечить». А есть также «пользевати» — приносить пользу наставлением [Словарь, 1990, 285]. Все в том же «тексте № 10» у митр. Даниила мы читаем: «Како убо скорби ползуют и в разум любомудрия приводят?» (Дружинин, 1909, 50). Когда митр. Даниилу нужно было написать «лечить», он писал «врачевати» (Дружинин, 1909, 45). Здесь же речь идет о пользе «любомудрия», то есть пользе, приносимой размышлением, к которому «скорбь» приводит человека через «терпение».

Если предположить, что «текст № 10» — это письмо митр. Даниила Карпову, то именно эта фраза могла быть воспринята Карповым как приглашение

к размышлению и рассуждению, которое может быть полезно не только автору, но и адресату. И он, со всем свойственным эпистолярному жанру уничижением, пишет в ответ «...но како солнце, небесный свѣтъ, просить блистания от мирския вещи, море, водамъ мати, желаетъ рѣчныя капли?» (Карпов, 2000). То есть, выстраивая весь этот ряд метафор, спрашивает своего адресата, может ли его рассуждение быть полезно тому, кто все понимает гораздо лучше. Но сразу вслед за этим Карпов переходит (выражаясь любимым термином митр. Даниила) к «любомудрствованию», то есть к изложению его собственных взглядов на управление в государстве. Здесь тоже происходит определенный сдвиг смысла, уже в трактовке термина «пользоваться». У митр. Даниила: принеси себе пользу, пусть скорбь наставит тебя. У Карпова же: я не могу тебя наставлять («пользовать»), я слишком мелок для этого. И действительно, он не поучает митрополита, но «противствует» ему.

И, наконец, о том, как письмо митр. Даниила о «терпении» могло подвигнуть Ф. Карпова на то, чтобы написать трактат по управлению. В своем письме митр. Даниил отсылает Карпова к «преже убо лет праведникамъ», которые «нарочиты бы терпение скорбей не отмщающе себе» (Дружинин, 1909, 49). И далее приводит тот перечень христианских добродетелей, о котором речь шла выше. Карпов, размышляя над этим письмом и нуждаясь в авторитете (что для того времени естественно), открывает «Первое послание Климента Римского к коринфянам», где тот приводит свой перечень состояний добродетели, среди которых есть терпение. И в этом послании Карпов читает: «Ни великие без малых, ни малые без великих не могут существовать. Все они как бы связаны вместе, и это доставляет пользу. Возьмем тело наше: голова без ног ничего не значит, равно и ноги без головы, и малейшие члены в теле нашем нужны и полезны для целого тела; все они согласны и стройным подчинением служат для целого тела» [37, 4–7].

Эта 37-я глава «Первого послания Климента Римского к коринфянам» в концентрированном виде содержит концепцию единства «великих» (управляющих) и «малых» (управляемых); единства, поддерживаемого терпением, любовью и (в другом перечне) «страхом». А Карпов главную часть своего Послания к митр. Даниилу начинает фразой: «Но зане человекъци в сем мирѣ, скорбемъ подлежащие, въ разныхъ чинѣхъ плаваютъ, сего ради за провожение долгаго времени в настоящихъ такоже умыслихъ нѣчто тобѣ от малыхъ написати» (Карпов, 2000). По сути, Карпов отказывается следовать рекомендации митрополита искать в «терпении» свойство одной личности, находящейся «в скорби». Он видит в «терпении» совсем другое — общественную функцию, позволяющую «великим» управлять «малыми».

Таким образом, категория «терпения» (которая у митр. Даниила выглядит как личная добродетель), воспринятая через призму Послания Климента, становится у Карпова *ключевой категорией общественной жизни*, категорией, предназначенной для «малых». И Карпов, призываемый митр. Даниилом к любомудрию, начинает свои рассуждения об опасности «терпения» в государственной жизни и необходимости заменить «терпение» на «дело народное», то есть уходит от св. Климента (и митр. Даниила) к Аристотелю.

На наш взгляд, между тремя текстами: Словом митр. Даниила «Во скорбяхъ сушимъ» («текст № 10»), Первым посланием Климента к коринфянам и Посланием Карпова есть тематические и лексические переключки, что может быть объяснено тем, что «текст № 10» — это и есть письмо митр. Даниила к Карпову, подтолкнувшее того перечитать Послание Климента и затем записать свои мысли о государственном управлении в виде ответного послания. Но, конечно, все отмеченные выше сближения не позволяют атрибутировать «текст № 10» как письмо именно Карпову, поскольку никаких точных указаний на то, в какое время это письмо было написано и кому именно было направлено, этот текст не содержит. Вполне возможно и иное: письмом митр. Даниила, на которое ответил Карпов своим Посланием, «текст № 10» не является. И нам это письмо до сих пор не известно. Но мысли митр. Даниила, изложенные как в «тексте № 10», так и в других посланиях этого «цикла о терпении»

(а все они друг другу не противоречат), вероятно, содержались и в письме к Карпову, как и его позиция, в которой он связывает «терпение» с «любомудрием».

Подводя итоги, отметим, что, находясь в общехристианской парадигме, митр. Даниил воспринимал категорию «терпение» как одну из ключевых для каждого верующего добродетелей, наряду с категорией «любви». Именно эти две категории регулярно воспроизводились и в тех текстах, на которые, видимо, опирался митр. Даниил. Столь важное место категории «терпение» может быть объяснено тем, что анализируемые тексты по своему жанру являются утешительными посланиями. «Терпение» здесь — универсальный ответ на «скорби» и «напасти». Состояние скорби только тогда может быть полезно, когда дополняется терпением как неотъемлемым свойством. Функционально терпение, по митр. Даниилу, проявляется в двух видах: а) в отказе от ответных (а то и вообще каких-либо) действий по отношению к тому, что вызвало «скорбь» и «напасти»; б) в «любомудрии», которое, вероятно, можно толковать как осмысление своего положения и напряженный умственный труд. Обращение к категориям «разума» и «любомудрия», вместе с категорией «терпение», — то, что отличает позицию митр. Даниила от позиции родоначальников этой традиции.

Кроме того, следует добавить, что в рассмотренных текстах митр. Даниила нет «социальной» составляющей, что уже отмечалось в литературе [Журова, 2016, 6]. И даже было высказано мнение о том, что «острые общественно-политические проблемы замалчиваются митр. Даниилом, и, вероятно, сознательно» [Соболевский, 2010, 17]. Соответственно, он видел в категории «терпение» только индивидуальное свойство души. И то, как в ответном Послании трактовал эту категорию Федор Карпов, на наш взгляд, не было вызвано непосредственно текстом митр. Даниила. Реакция Карпова на письмо митр. Даниила — это, скорее, его личное понимание того, чем должно быть «любомудрие», к которому (вероятно) его призывал митр. Даниил. А сам текст Послания, в его основной части, посвященной «терпению» и «законам», — глубоко продуманная концепция управления, для изложения которой был выбран удобный повод и адресат, к которому Карпов испытывал доверие и уважение.

Источники и литература

Источники

1. Дружинин (1909) — *Дружинин В. Г.* Несколько неизвестных литературных памятников XVI в. СПб., 1909.
2. Карпов (2000) — *Карпов Ф. И.* Послание митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5110> (дата обращения: 20.11.2018).
3. Послание Максима Грека (2000) — *Послание Максима Грека к Федору Карпову* // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5109> 5110 (дата обращения: 20.11.2018).

Литература

4. Воскресенская (2008) — *Воскресенская Е. А.* Идеологическая основа сказаний Поликарпа в Киево-Печерском патерике // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2008. № 11. С. 204–211.

5. Гаричева (2011) — *Гаричева Е. А.* Речевые жанры в словесности Древней Руси и Нового времени // Новый филологический вестник. 2011. № 2 (17). С. 5–18.
6. Жмакин (1881) — *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 762 с.
7. Журова (2014) — *Журова Л. И.* «Наказания» в структуре Слов «Соборника» митрополита Даниила // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 50–57.
8. Журова (2016) — *Журова Л. И.* К вопросу о нравственном богословии митрополита Даниила // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 4 (16). С. 50–57.
9. Зимин (1956) — *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Ф. И. Карпова // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. И. П. Еремич. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 12. С. 161–173.
10. Копосов (2012) — *Копосов Д. Р.* Особенности строения текста «слова-поучения» как риторического жанра (диспозиция) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 2 (16) С. 17–22.
11. Крылова (2013) — *Крылова Л. К.* Морфологическая стилистика как проблема исторической стилистики русского языка // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 118–122.
12. Макарий Булгаков (1872) — *Макарий (Булгаков), митр.* Сочинения Московского митрополита Даниила // Христианское чтение. 1872. № 10. С. 181–275.
13. Михайлова, Витлин (2012) — *Михайлова И. Б., Витлин В. Э.* Идеальный государь в представлении Ф. И. Карпова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 2. Вып. 2. С. 3–13.
14. Никищенкова (2008) — *Никищенкова Г. В.* О диалогической организации «Послания о неделе» Феодосия Печерского. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 161–163.
15. Новак (2013) — *Новак М. О.* Деяния и послания апостолов в древнерусских повестях XIII–XVI веков // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 1 (31). С. 80–83.
16. Рождественская (1972) — *Рождественская М. В.* О жанре «Слова о Лазаревом воскресении» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27: История жанров в русской литературе X–XVII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 109–119.
17. Словарь (1990) — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука. 1990. 295 с.
18. Соболевский (2010) — *Соболевский А. В.* Общественно-политическая позиция митрополита Даниила // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 9 (99). С. 12–19.
19. Стариков (2014) — *Стариков Ю. С.* Приемы литературной антиеретической полемики в иосифлянской книжности (на примере «Слова о воплощении» митрополита Даниила) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 9–22.

Konstantin Solovyev. Category “Patience” in the Epistolary Heritage of Metropolitan Daniel.

Abstract: The study of the texts of Metropolitan Daniel allows us to solve important research problems. One of them is the interpretation of the category of “patience” in his messages to different persons. Having solved it, we can better understand the worldview of the Metropolitan himself. We can understand the content of the controversy of Daniel and the diplomat Fedor Karpov. Daniel uses the category of “patience” in the “list of virtues”. The tradition of such lists goes back to the apostles. In this tradition, the category of “patience” can be considered as attribute, characteristic or function. First of all, Daniel highlights the functional understanding of the category of “patience”. He connects it with “wisdom”. Knowledge and patience Daniel contrasts with active action and the achievement of social justice. One of studied texts could be the letter to Fyodor Karpov, which prompted him to write the famous “Message to Metropolitan Daniel”.

Keywords: Metropolitan Daniel, Fyodor Karpov, history of the church, history of the theological thought, category “patience”, “Daniel Karpov’s Message”; Old Russian texts, history of Russia; history of social thought.

Konstantin Anatolyevich Solov'yev – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Faculty of Public Administration of the Moscow State University (solovka-05@yandex.ru).

Sources and References

Sources

1. Druzhinin (1909) — Druzhinin V. G. *Neskol'ko neizvestnykh literaturnykh pamyatnikov XVI v. [Several unknown literary monuments of the 16th century]*. Saint Petersburg, 1909. (In Russian).

2. Karpov (2000) — Karpov F. I. Poslaniye mitropolitu Daniilu [Message to Metropolitan Daniel]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi. Vol. 9: Konets XIV — pervaya polovina XVI veka [Library of ancient Russian literature. Vol. 9: Late 14th the first half of 16th century]*. RAN. IRLI; ed. by D. S. Likhachev, L. A. Dmitriyev, A. A. Alekseyev, N. V. Ponyrko. Saint Petersburg: Nauka, 2000. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5110> (accessed: 20.11.2018). (In Russian).

3. Poslaniye Maksima Greka (2000) — Poslaniye Maksima Greka k Fedoru Karpovu [Maxim the Greek’s message to Fedor Karpov]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi. Vol. 9: Konets XIV — pervaya polovina XVI veka [Library of ancient Russian literature. Vol. 9: Late 14th the first half of 16th century]*. RAN. IRLI; ed. by D. S. Likhachev, L. A. Dmitriyev, A. A. Alekseyev, N. V. Ponyrko. Saint Petersburg: Nauka, 2000. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5109> 5110 (accessed: 20.11.2018). (In Russian).

References

4. Garicheva (2011) — Garicheva E. A. Rechevyeye zhanry v slovesnosti Drevney Rusi i Novogo vremeni [Speech genres in the literature of Ancient Russia and Modern times]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2011, no. 2 (17), pp. 5–18. (In Russian).

5. Koposov (2012) — Koposov D. R. Osobennosti stroyeniya teksta «slova-poucheniya» kak ritoricheskogo zhanra (dispozitsiya) [Features of the structure of the text “words-teachings” as a rhetorical genre (disposition)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznaniiye*, 2012, no. 2 (16), pp. 17–22. (In Russian).

6. Krylova (2013) — Krylova L. K. Morfolozhicheskaya stilistika kak problema istoricheskoy stilistiki russkogo yazyka [Morphological stylistics as a problem of historical stylistics of the Russian language]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, 2013, no. 6 (2), pp. 118–122. (In Russian).

7. Makariy Bulgakov (1872) — Makariy (Bulgakov), metropolitan. Sochineniya Moskovskogo mitropolita Daniila [Works of Moscow Metropolitan Daniel]. *Khristianskoye Chteniye*, 1872, no. 10, pp. 181–275. (In Russian).

8. Mikhaylova, Vitlin (2012) — Mikhaylova I. B., Vitlin V. E. Ideal’nyy gosudar’ v predstavlenii F. I. Karpova [The ideal sovereign in representation of F. I. Karpov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012, ser. 2, is. 2, pp. 3–13. (In Russian).

9. Nikishchenkova (2008) — Nikishchenkova G. V. O dialogicheskoy organizatsii «Poslaniya o nedele» Feodosiya Pecherskogo [On the Dialogic organization of the “Epistle on the week” by Theodosius Pechersky]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki*, 2008, no. 1, pp. 161–163. (In Russian).

10. Novak (2013) — Novak M. O. Deyaniya i poslaniya apostolov v drevnerusskikh povestnyakh XIII–XVI vekov [Acts and Epistles of Apostles in ancient stories of 13th — 16th centuries]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. 2013, no. 1 (31), pp. 80–83. (In Russian).

11. Rozhdestvenskaya (1972) — Rozhdestvenskaya M.V. O zhanre «Slova o Lazarevom voskresenii» [About the genre of the “Sermon on the resurrection of Lazarus”]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Vol. 27: Istoriya zhanrov v russkoy literature X–XVII vv.* [Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. 27: History of genres in Russian literature of 10th–17th centuries]. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1972, pp. 109–119. (In Russian).
12. Slovar’ (1990) — *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language of 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka, 1990, is. 16, 295 s. (In Russian).
13. Sobolevskiy (2010) — Sobolevskiy A.V. Obshchestvenno-politicheskaya pozitsiya mitropolita Daniila [Social and political position of Metropolitan Daniel]. *Vestnik TGPU*, 2010, is. 9 (99), pp. 12–19. (In Russian).
14. Starikov (2014) — Starikov Yu. S. Priyemy literaturnoy antiyereticheskoy polemiki v iosiflyanskoy knizhnosti (na primere «Slova o voploshchenii» mitropolita Daniila) [The methods of literary antiheretical polemics in “iosiphlyansky” literature (on example of “Word of the Incarnation” by Metropolitan Daniel)]. *Vestnik PSTGUI: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2014, is. 2 (57), pp. 9–22. (In Russian).
15. Voskresenskaya (2008) — Voskresenskaya E. A. Ideologicheskaya osnova skazaniy Polikarpa v Kiyevno-Pecherskom paterike [The ideological basis of the stories of Polycarp of the Kiev-Pechersk Paterikon]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedeniye»*, 2008, no. 11, pp. 204–211. (In Russian).
16. Zhmakin (1881) — Zhmakin V. *Mitropolit Daniil i ego sochineniya* [Metropolitan Daniel and his works]. Moscow, 1881, 762 p. (In Russian).
17. Zhurova (2016) — Zhurova L. I. K voprosu o nrvstvennom bogoslovii mitropolita Daniila [On the issue of moral theology of Metropolitan Daniel]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*, 2016, is. 4 (16), pp. 50–57. (In Russian).
18. Zhurova (2014) — Zhurova L. I. «Nakazaniya» v strukture Slova «Sobornika» mitropolita Daniila [“Lessons” in the structure of the Words “Collection” of Metropolitan Daniel]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 50–57. (In Russian).
19. Zimin (1956) — Zimin A. A. Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady F. I. Karpova [Social and political views of F. I. Karpov]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Akademiya nauk SSSR. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom)* [Proceedings of the Department of ancient literature. Academy of Sciences. Institute of Russian literature (Pushkin House)]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1956, vol. 12, pp. 161–173. (In Russian).